

РУССКИЙ ВЕДОМОСТИ

ХЛ. № 221 ВТОРНИКЪ. 10 АВГУСТА 1904 г. № 221 ВТОРНИКЪ, 10 АВГУСТА 1904 г. ХЛ.
ежедневное издание.

Воспоминания о Чеховѣ.

I.

Кому поймѣй печаль мою?

Антонъ Павловичъ Чеховъ приѣхалъ въ Москву, — совсѣмъ, навсегда приѣхалъ. Быть-можетъ, правильнѣе сказать: вернулся въ Москву, — изъ ту Москву, изъ которой уѣхалъ помимо волнъ изъ-за болѣзни и куда такъ неудержимо стремился вся тѣ сень — восемь лѣтъ, которыя онъ прожилъ на монхѣ глазахъ въ Иатѣ, въ ту Москву, которая занимала всѣ его мысли, была для него воистину обѣтованной землей, въ которой сосредоточивалось все то, что было въ Россіи самаго хорошаго, пріятнаго, милаго для Чехова. И вадалъ саратовскихъ патротовъ, поглавскихъ, сибирскихъ, южнаго вѣтла, какъ быль любилъ Антона Павловича въ Москву, и рѣдко встрѣчалъ. Это было немножко смѣшино и немножко трогательно, — было трогательно, тѣль сѣбѣ.

Вотъ однѣ изъ многихъ нашихъ разговоровъ. Антонъ Павловичъ собирается въ Москву; и всѣми силами отговаривали его и предсталии свои аргументы.

— Вѣдь теперь морѣтъ мѣсяцъ, Антонъ Павловичъ, — самое гиусное время въ Москву. Всѣ хлѣби московскіи разверзлись.

И напоминали ему, чѣд такое московскіи хлѣби, и уѣхдаю, что и самое слово «хлѣбъ» выдумано въ Москвѣ и специально для Москвы.

Онъ сордитея и начинаетъ ругать Иату и говорить, что латинскіи хлѣби хуже

московскіихъ. И видно, что ему не терпится, что ему страстно хочется уѣхать въ Москву.

Я начинаю говорить про московскую войнѣ, про весь цѣлый укладъ ея московской жизни, московскіи настоны, привыкъ узенькихъ переулковъ, знаменитыя туники, эти удивительные Бабы Городки, Заѣзы, Илюющи, Самотези, — и тѣмы большие не-пріятностей говорю я по адресу Москвы, тѣмъ веселѣ и пріятѣ становится хмурое лицо Антона Павловича, тѣмъ чаще смеется онъ своимъ короткимъ чеховскими смѣшками. И видно, что и Самотези, и Илюющи, и даже скверныя московскіи настоны, и даже осенины грязи, и сѣрые мгластыя дни, — что все это ему очень мало и наполненнѣ его душу смирилыми пріятными ощущеніями.

Запасъ сѣдѣй на Москву у насъ обоихъ обширнѣ, — мы оба учились въ московскомъ университѣтѣ, — Чеховъ вдохновляется и говоритъ:

— А поѣзжайте...

И начинаетъ вспоминать знаменитыя прохожія «сѣ лучомъ», перцемъ, съ собачьими сердечками, которые готовились къ грызинамъ переулкѣ на Можовой, жаждетъ, специально для наст., студентовъ-единицъ, работавшихъ въ анатомическомъ театре и химической лабораторіи, исполнить любезнѣи Патраріи вруды и миловидныя Бронные и Козацкіе переулки, и морщини мелкими складками собираются вокругъ глазъ на покухианѣ лица, и смеются ониъ веселыми, громкими, радостными смѣхомъ, какимъ рѣдко смеялся покойный Антонъ Павловичъ. И онъ, умный человѣкъ, могъ говорить удивительныя несообразныя слова, когда разговаривалъ съ Москвой. Рѣтъ, когда я отговаривалъ егоѣхать въ Москву въ октябрь, онъ сталъ уѣхать менѣ, — онъ, самъ докторъ, и уѣхать совершиенно серьезно, безъ пріѣзда въ голосъ, — чѣд именно мо-

сковскій воздухъ въ особенности хорошиъ и живителѣн для его туберкулезныхъ легкихъ, и, притягивая вакуумъ въ доказательство, говорилъ, что пани, врачамъ, не слѣдуетъ быть рутинерами и универ-ситетами, — перечитывалъ оль ихъ величайшее множество, — съ каминомъ, набитымъ конвертами и письмами, которыхъ онъ получалъ тоже великое множество, и тотчасъ послѣ дѣланыхъ разговоровъ начинялъ сообщать имъ литературныя новости, и говорилъ мы о новыхъ талантливыхъ писателяхъ, пополненіе которыхъ онъ вѣрбъялъ съ такимъ радостнымъ чувствомъ, о литературныхъ явленіяхъ, о всемъ томъ новомъ, хорошемъ и дурномъ, что входило въ литературу и искусство. И лицо его оживлялось, и искорки юмора испыхивали изъ глазахъ, и приходилось говорить и о тѣхъ конфликтахъ, которыхъ полна русская жизнь, и о тѣхъ острыхъ и болѣнныхъ вопросахъ, которые давно стоятъ передъ русской жизнью изъ строгой новеллитанности, но разговоръ о нихъ недолго продолжался. Лицо его дѣялось усталымъ и скучнымъ, говорилъ онъ слова скучныя и утомительныя, приводилъ какой-нибудь случай изъ деревенской или обыкновенной жизни, характеризующій жестокость и некультурность этой жизни, иногда приподнялъ свои заграждничные впечатлѣнія и охотно переходилъ на другій темы, и было видно, что ему скучно говорить и хочется уйти отъ недодѣлкой темы и что онъ не любить острого, требовательнаго, новеллитанаго, когда у меня вырывалось разное, жесткое замѣчаніе о какомъ-нибудь его знакомомъ литераторѣ, ему было непрѣдѣльно и онъ начиналъ оправдывать его и приводить смигчающія вину обстоятельства.

II.

Случалось, мы сговаривались по телефону, и я пріѣжалъ къ нему по дѣлу, — поговорить объ «Лузурѣ», санаторіи патраріи благотворительнаго Общества, которымъ онъ очень интересовался, объ устройствѣ какого-нибудь народнаго учителья или земскіи фельдшерицы, которые пріѣхали лечиться въ Иату безъ денегъ;

но дѣловыми вопросами разговоръ никогда не кончался. Онъ ждалъ меня изъ своего кабинета съ разсыпанными по полу газетами, — перечитывалъ оль ихъ величайшее множество, — съ каминомъ, набитымъ конвертами и письмами, которыхъ онъ получалъ тоже великое множество, и тотчасъ послѣ дѣланыхъ разговоровъ начинялъ сообщать имъ литературныя новости, и говорилъ мы о новыхъ талантливыхъ писателяхъ, пополненіе которыхъ онъ вѣрбъялъ съ такимъ радостнымъ чувствомъ, о литературныхъ явленіяхъ, о всемъ томъ новомъ, хорошемъ и дурномъ, что входило въ литературу и искусство. И лицо его оживлялось, и искорки юмора испыхивали изъ глазахъ, и приходилось говорить и о тѣхъ конфликтахъ, которыхъ полна русская жизнь, и о тѣхъ острыхъ и болѣнныхъ вопросахъ, которые давно стоятъ передъ русской жизнью изъ строгой новеллитанности, но разговоръ о нихъ недолго продолжался. Лицо его дѣялось усталымъ и скучнымъ, говорилъ онъ слова скучныя и утомительныя, приводилъ какой-нибудь случай изъ деревенской или обыкновенной жизни, характеризующій жестокость и некультурность этой жизни, иногда приподнялъ свои заграждничные впечатлѣнія и охотно переходилъ на другій темы, и было видно, что ему скучно говорить и хочется уйти отъ недодѣлкой темы и что онъ не любить острого, требовательнаго, новеллитанаго, когда у меня вырывалось разное, жесткое замѣчаніе о какомъ-нибудь его знакомомъ литераторѣ, ему было непрѣдѣльно и онъ начиналъ оправдывать его и приводить смигчающія вину обстоятельства.

Онъ стоялъ передо мною въ темномъ костюмѣ, чѣд скобининѣ, съ тихою рѣчью и шагами намерини, немножко и были пуниты, въ которыхъ онъ былъ удивительно упоренъ. И понимъ, какъ есть еще маленький фонарикъ, совсѣмъ

маленький, гдѣ можетъ помѣститься только фонарчикъ, и когда Чеховъ говорить, онъ любить уходить въ фонарчикъ и сидѣть на маленькомъ фонарчикѣ. А въ большомъ окнѣ кабинета —разноцѣнныя стекла, чтобы мигаѣ были слышать, и противъ фонарика, надъ каминомъ, Левитанъ нарисовалъ маленькую картину — русская, сиутина, тихая дала со смѣю освѣщенными стоянами сѣла... И прѣстѣльша у него лицо добрыхъ и магніихъ, непребошательныхъ и непопелистическихъ, и чѣд вѣжло его въ людлы строгими, которые остро ставятъ вопросы жизни и безъ колебаний отвѣчаютъ на нихъ...

И вспоминаю полученнѣе письмо и передаю ему «поклонъ», — пастощіе московскіе поклоны, — отъ знакомыхъ писателей, которыхъ любилъ его, и Антона Павловича умываетъ ясновою улыбкой, отъ которой подѣлья и сѣтьюло хмурое лицо. И снова говоримъ мы о литературѣ и обѣ искусствѣ, снова оживляется онъ и сдвигается скопинъ короткимъ смѣшкомъ, и румянца выступаетъ на блѣдныхъ щекахъ. И забывалъ онъ тогда Москву и свое повышенную температурѣ, и свое умное языческое одиночество.

III.

«Хмурый человѣкъ» «въ сумеркахъ» пишетъ «не斯特рые разсказы», — такъ опредѣлилъ себѣ спочинъ загадочный Чеховъ. Онъ родился не хмурымъ человѣкомъ, и вѣдъ, знающіе его изъ молодости, говорятъ о немъ, какъ о веселомъ, жизнерадостномъ человѣкѣ. И кто не помнитъ его «Нолинъ», знаменитый «Винть» и тѣ несмѣренныя грустные первые его разсказы, въ которыхъ было такъ много веселыя и яркаго, громкаго, здоромаго смѣха? А потомъ, — чѣд дальше, тѣмъ бѣлье, — смѣхъ затихалъ, и скуча и всѣяя фальши, во всему живому, выдуманному, измѣненному. Здѣсь у него были опредѣленныя синнѣи и антиптии ярче сквозила въ его разсказахъ, и всѣяя звонились тѣмъ сѣрыми, однотонными. И я побольшому набинетъ удивительно упоренъ. И понимъ, какъ есть еще маленький фонарикъ, совсѣмъ

мень, что Гончаровъ — устарѣлый, безтакий и скучный писатель, и никакъ не могъ понять, почему я, перечитавши Гончарова въ зрячомъ возрастѣ, продолжалъ находить его интереснымъ и талантливымъ. И въ этихъ разговорахъ чувствовалось, какъ онъ любилъ литературу и что онъ былъ воистину писатель въ лучшемъ смыслѣ, высокомъ русскимъ смыслѣ, про суперечныхъ русскихъ людей, тускало и сѣро вѣжливыхъ цѣнъ своего существованія въ русскихъ футлярахъ и оправахъ, про людей, которые лишь изрѣжка глухо говорятъ, что черезъ 200—300, а быть-можетъ и чрезъ 1,000 лѣтъ будетъ новая, новая, счастливая жизнь...

Почему это? Почему Чеховъ сталъ хмурымъ человѣкомъ и печаль легла на тѣ тонкі, изящно выразившій профиль человѣка, съ думами о литературѣ, съ мечтами о Москвѣ, которому не съѣхъ подѣлья и сѣтьюло хмурое лицо. И когда я уходилъ отъ него, у меня всегда была одна и та же мысль: почему же эта была одна и та же мысль: почему же эта, такъ ищущій людей человѣкъ, однотипъ и поченъ онъ, жадный къ жизни, съ тонкимъ проникновеніемъ прасоты, — хмурый человѣкъ?

III.

«Хмурый человѣкъ» «въ сумеркахъ» пишетъ «не斯特рые разсказы», — такъ опредѣлилъ себѣ спочинъ загадочный Чеховъ. Онъ родился не хмурымъ человѣкомъ, и вѣдъ, знающіе его изъ молодости, говорятъ о немъ, какъ о веселомъ, жизнерадостномъ человѣкѣ. И кто не помнитъ его «Нолинъ», знаменитый «Винть» и тѣ несмѣренныя грустные первые его разсказы, въ которыхъ было такъ много веселыя и яркаго, громкаго, здоромаго смѣха? А потомъ, — чѣд дальше, тѣмъ бѣлье, — смѣхъ затихалъ, и скуча и всѣяя фальши, во всему живому, выдуманному, измѣненному. Здѣсь у него были опредѣленныя синнѣи и антиптии ярче сквозила въ его разсказахъ, и всѣяя звонились тѣмъ сѣрыми, однотонными. И я побольшому набинетъ удивительно упоренъ. И понимъ, какъ есть еще маленький фонарикъ, совсѣмъ

постоянно встречавший восхищение талантами, но в вопросе: кто ты? — от тѣхъ, чье признаніе было ему особенно дорого. И это постное отношеніе, слагавшееся изъ радости и лосторга и изъ вопросы и недоумкій, такъ и осталось за нимъ вплоть до его смерти. И слава, въ настоящемъ смыслѣ слова, — большая литературия слава пришла къ нему почти одновременно съ первыми провохарчаньями и росла и развивалась параллельно росту и развитию его туберкулезного процесса, — и въ этомъ въ сущности, въ этой исключительно трагической коллизіи растущей славы въ надвигающейся смерти прошли последние 14 лѣтъ его жизни.

теллигентнаго человѣка годы, — прошли въ то особенное сумеречное русское время — 80-е годы, — время усталости и скучи, сретроспективныхъ взглядовъ, проповѣдъ маленькихъ дѣлъ и маленькихъ добродѣтелей. И не о томъ ходу сказать, — то время прошло, и Чеховъ видѣлъ другія времена и смысла другихъ языковъ. И говорю о сумеркахъ вообще, объ условіяхъ русской действительности, о комбинаціяхъ и взаимоотношеніяхъ русской жизни, составляющихъ ее особенность, не повторяющихся нигдѣ. Съ одной стороны, сумерки бытовательской жизни, съ ею лѣтностью, квѣтѣю, некультурностью, рабскимъ чувствами, съ маленькою неправдѣстей и болѣмъ попустительствомъ — сумерки

чей въ
исполніи
и трубные
ны, и въ
сказ и с
пролѣтіи;
терые союз
России, —
произошли
почти всѣ
скій, Добр
скій, Помѣ
Достоевскі
Гаршинъ,
ваетъ вся
Антона
Лихо, всего

И не буду больше говорить о болезни и ее значение для Чехова,—это вскому понятно. Но ни то, ни другое,—ни болезнь, ни тоска в материальном и иных смыслах литературной карьера,—не объясняют *иаки* это сложного изображенного рисунка съ печальным колоритом, который представлялъ изъ себѣ покойный Чеховъ. Дѣло по второй части приведенной мною формулы,—изъ «супорѣхъ»,—изъ сумеркахъ русской дѣйствительности.

Несомненное несчастье для Чехова — то, что он родился в России. Съ его жаждою къ жизни, къ красамъ ея, съ его проникновеніемъ красоты, съ его огромнымъ дарованіемъ и чисто художественнымъ темпераментомъ онъ развернулся бы во всю ширь своего таланта въ расцвѣтъ, бы во всю красоту своей художественной натуры тамъ, где такъ много солнца и красокъ жизни, гденичто не мешаетъ расти тому, что можетъ расти, где не взваливается на плечи человѣка иона, которой онъ не можетъ вѣсти. А онъ жилъ въ сумеркахъ русской жизни. Въ литературѣ уже не разъ отмѣчалось, что студенческіе годы Чехова, — самыя благодатныя для выразительной способности, — были полны горькихъ приколовъ огненя, такихъ строги и требовательны, где портятъ тѣль строго, непримиримо разграничены, где отзыски мыслей отыкаются тамъ тревожно и осторожно, — такая странная литература на фонѣ яростношущей, тихой, перегрѣвленной въ покорной обывательской жизни. Литература всегда служитъ выраженіемъ общественныхъ течений мысли и чувства, симпатій и антипатій, но, быть-можетъ, никогда эти идеиніи течений, эти общественные симпатіи и антипатіи не проявляются tanto остро и страшно, какъ въ русской литературѣ. И, конечно, потому, что ингдѣ литература не служитъ такого единственною трибуной, такому вслѣдствію выразительной способности, то

тэллигентного человѣка годы, — прошли въ то особенно сумеречное русское время — 80-е годы, — время усталости и скучи, «ретроспективныхъ взглядовъ», проповѣди маленькихъ дѣлъ и маленькихъ добродѣтелей. Я не о томъ хочу сказать, — то время прошло, и Чеховъ видѣлъ другія времена и слышалъ другія имена. Я говорю о сумеркахъ вообще, объ условиахъ русской действительности, о комбинаціяхъ взаимоотношенияхъ русской жизни, составляющихъ ея особенность, не повторявшихся нигдѣ. Съ одной стороны, сумерки обыкновальной жизни, съ ея лѣтностью, квѣтѣзмомъ, поскултурностью, рабыни чувствами, съ маленькою невѣр-

степей и большою помпостью,—сумерки, где все копки сырьи, один немножко лучше, другой немножко хуже, но все лагери и партии благодушно сходятся у карточного стола, за именинный пирогом, где лучшие люди только новят, слушают и тоскуют, плакать веселевшими слезами и мечтаями о русскими мечтами о сохранении языка, о том, что через 200—300 лет, а может быть и дальше будет иная, сияющая жизнь,—то-то устроить ее за них. С другой стороны—русская литература, всегда горькая яркими огнем, такая строгая и требовательная, где партии так же строго, испиранием разграничены, где оттеники милой отымаются тань треножко

и сторожко, — такая странная литература на фоне пылающей, тихой, перегретой чайной и покорной бытовательской жизни. Литература ведь служит выражению общественных течений мысли и чувств, сплайтий и антиплайтей, то, быть может, никогда эти ведомые течения, эти общесценические сплайтии и антиплайти не проявляются tanto остро и страшно, как в русской литературе. И, конечно, потому, что никогда литература не служит также единственно трибуной, такой исключительно выразительной, какой

траць. И среди общего без-
сознительно раздаются в ней
звуки, и молитвенные гим-
ны, и плачущий речь, и вопли то-
радания, и крики гибели
и люди литературы, тѣ, ко-
еи ее и составляютъ гордость
или гибельные и молитвенные,
и благословляющіе, но
прию, опредѣленные. Бѣль-
и-лопобъ, Писаревъ, Михайлов-
скій, Некрасовъ, Тургеневъ,
Салтыковъ, Габр' Успенскій,
И она, литература, спраши-
то, кто входитъ въ нее: кто ты?.
Чеховъ былъ пра-
Мой хороший знакомый, знаменитый
русский учёный, рассказывалъ мнѣ про
свою встречу съ Монассаномъ у Турге-
нева. Это было вскорѣ послѣ смерти дяди
Монассана Флобера; Монассан пришелъ
къ Тургеневу, которого онъ послѣ смерти
дяди считалъ своимъ chez maître, и
посыпался о газетѣ, которую онъ
вывѣтъ съ компанией литературной молод-
ежи, — какъ-туда входилъ и Бурже, —
хотябы основать въ Парижѣ. Тургеневъ
спросилъ его, какими же принципами буд-
етъ руководиться газета, и Монассанъ
ответилъ: «Pas de principes!» И отъ-
ветъ скончало и решительно, какъ про-
грамму, какъ здѣси своей газеты.

художникъ, главныйъ обра-
щикъ, только художникъ. И,
нечто было въ душѣ жажды
было въ той слытости, того
чего самодовольства и несомнѣ-
вленной болѣи, съ которыми таин-
ствъ на «героинъ» вершилась
посозѣ, не спускался въ «тихія»
къ коношится скучная и не-
спасливая людская толпа. Чеховъ
жилъ и сочинялъ, а въ его
жизни же себѣ тихія долины съ
туманными мечтами и тихими
повторами, онъ былъ русскій
и въ этой была драма его
войнѣ лѣї и блѣдой розы
и палевої розѣ, которая не
можетъ распуститься во «Живомъ» да
въ «Садѣ» и въ «Ханумѣ» да
въ «Дамахъ».

Чеховъ рѣдко и неожиданно говорилъ о
своихъ литературныхъ неудачахъ, но
не смыкая большей горечи въ его го-
се и не чувствовалось большей обиды,
какъ въ тотъ разъ, когда онъ рассказы-
валъ мѣръ, какъ въ одномъ толстомъ жур-
налѣ о немъ было напечатано: «Въ
русской литературѣ единѣ, безпринципи-
нныи писателемъ стало больше»).

И не предлагали Мопассану вопросы: «
кто ты? И не ломали копіѣ по поводу
мопассановскихъ «мужиковъ», — они были
у него литературныи и не одни литерату-
рныи — партіи и французскіе люди срав-
нительно рѣдко имѣли рѣшенія вопросовъ
жизни на страницахъ произведений
французскихъ бестрістовъ...»

— Напишите рассказ въ журнале или
официальномъ органѣ, о томъ какъ
то обесточило утопильную
установку, и напечатайте
ихъ въ определенное
время, — сказала Елизавета
Павловичъ годъ или два назадъ.

IV.

Михаилъ хотелъ сказать польско-литовскому
губернатору, что онъ не хочетъ жить въ
Литве, и что онъ хочетъ вернуться въ
Россию. Но онъ не могъ это сделатьъ,
потому что онъ былъ въ заложникахъ
у губернатора. Губернаторъ
заявилъ, что онъ не будетъ отпускать
его, пока онъ не напишетъ въ газете
о томъ, что онъ не хочетъ жить въ
Литве. Михаилъ написалъ въ газете
о томъ, что онъ не хочетъ жить въ
Литве, и губернаторъ отпустилъ
его.

ской скучи, пошлости—позднейть. Мне хотелось бы освятить уши его, самый теплый и тро- ль разъ, давло, ять семь—восемь и исти захотел разговор о пре- и удивительных русских са- бродных словах. Что значит какъ звучитъ у бабы, только- вший себѣ покъ въ грудь, сло- но было», какое многосмы- полноцѣнное слово «хорошо» и «проч.

Приръ, что для меня самое удив- ляющее русское слово «жалѣть», при- примеръ, что баба никогда не хотѣла въ немъ и сколько добра,— того стыдливо, хоронящагося добра дѣ- лать она въ жизни. Я помимъ, какое гор- риче участіе принадлѣжитъ ей въѣдѣ, при- ключившейся съ сыномъ моего знакомаго, какъ упрашивала она моего знакомаго воспользоваться тѣмъ обширными связями, которыми пользовалась въ разнообразныхъ петербургскихъ кругахъ Академія Павлов- ющая. И, кажется, не было для него большаго удовольствія, какъ устроить кого-нибудь, поддержать молодаго писателя, дать возможность прожить въ Яльце бѣд- ному учителю, найти нѣчто, занять... Хочется мнѣ вспомнить здесь кое-что изъ рассказовъ Чехова,—не тѣ веселые и

что must любить ее, а отваживаться... и иногда прибавлять... «больно» вместо «очень» и «жалеть» вместо «любить» не только хмурье, которые всем известны, а те, которые вложены ею любви и жалости к людям и о которых, почтительно нечестиво говорят. Вспоминается Ванька, заброшенный в Москву девятилетний Ванька, голодный, изможденный, избитый, опускающий в почтовый ящик письмо с адресом: «На деревню, дядушку Константина Макарчу». «Милый дядушка, сдай боенскую ин лость, возвин меня отсюда домой, на деревню, из-за которой моей возможности... Бланяюсь тебе в ноги и буду вечно Бога молить, увели меня отсюда, а то покишу... И какъ безконечный плач, лягутся горьки, сладконы дѣтскіе мольбы (Родзига, «Ванька»).

жинка стала смеяться, которая многочисленными щепотками. И неизвестно, что новый дьякон не по деревенскому обычаю лягнуть, а стал кирпич, срывало положение его в селении, щептая-то!... — улыбаясь, мухи и ряшили, что дьякон был хороший. И было так много его обычной, насташиной улыбки,

Вспоминается «Тоска», — старикъ-извозчикъ, который ищетъ человѣка, которому бы подсказать про смерть сына, про свое

ывное; все хотеть рассказать
учайший съдокамъ, своему то-
варио-извозчику, и никто не хо-
чутъ его, и идетъ онъ въ ко-
вой лошади и ей говорятъ:
Братъ, хобызоча... Нѣту
шыча. Приказали долго жить...
нажмакъ, у тебя жеребеночки,
у жеребенку—родилъ матъ...
сказали, этотъ жеребеночки
долго жить... Вѣдь жалко?,
одно разъ прочитывалъ раз-
сказъ, и теперь, когда Чеховъ
ушелъ изъ жизни, и вспоминаю
его, вспоминаю его Чехова, я
не воленъ читать вслухъ пис-
ьма, которые онъ писалъ... Кому же

ется сказать несколько слов.
и А. И. Чехова за истекшую
рѣку измѣнилось. Эта перес-
тавлялась мѣй еще года два
и въ рукоши прочелъ его
, но это новое спустялось яко
ни только за истекшую весну.
возвужденіи, углубленныхъ
было видно, что онъ сидѣть
аго и краснаго не черезъ
льть, а гораздо раньше. И
друга были въ манере другая,
лишь было слушать его. Выхо-
—скептикъ, и когда я выспра-
шилъ сочиненіе и пробовалъ дѣ-
лать къ его рѣкамъ определен-
ъ махалъ рукой и нетерпѣливо
«Да что вы, — пѣдъ это тан-
цуетъ, — не понимаете?»

и вы не видите?»
— «Да, — отвечалось, новая волна счастья
вспыхнула в глазах Бориса Степановича.
— Это хоккей!..

THEBO.